

Пётр Ершов

ОСЕННИЕ ВЕЧЕРА

T8RUGRAM

УДК 82-1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Е80

Ершов, П.

Е80 Осенние вечера / П. Ершов. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM. — 270 с.

ISBN 978-5-519-66333-5

Пётр Павлович Ершов (1815–1869) – русский поэт XIX века, прозаик, драматург, мастер фольклорного жанра, по праву получивший народное звание «великого сказочника».

В данной книге представлены наиболее известные работы автора, а именно: сборник рассказов «Осенние вечера» и пьесы автора, которые познакомят читателя с Ершовым-драматургом, — «Суворов и станционный смотритель», «Кузнец Базим, или Изворотливость бедняка». Близость к фольклору, лёгкость и изящество авторского слога, а также искренняя любовь к простому русскому народу несомненно найдут отклик в сердце читателя.

УДК 82-1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-519-66333-5

© Т8RUGRAM, оформление, 2018
© Т8 Издательские технологии, 2018

ОСЕННИЕ ВЕЧЕРА
Рассказы от скуки

ВЕЧЕР I ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

— Эй, кто там?

Дверь кабинета отворилась, и на пороге показалась фигура старого казака, в молчаливом ожидании приказа.

Между тем отставной полковник пробежал записку, бывшую у него в руках. Сколько можно было при беглом взгляде рассмотреть размашистые строки записки, дело шло о приглашении на вечер человек четырех приятелей полковника.

— Возьми эту записку и ступай к Николаю Алексевичу, он уж знает, что ему делать с нею.

— Слушаю, — был ответ казака, и дверь затворилась снова.

Полковник зажег сигару и стал ходить взад и вперед по комнате.

Воспользуемся несколькими минутами молчания, чтобы познакомиться с хозяином. Ему было лет под 50; седина прокрадывалась уже на подстриженной под гребенку голове и на густых усах. Но полное румяное лицо, бодрая осанка и пламенные глаза, нередко бросавшие искры одушевления, — все это придавало ему такую свежесть, которой позавидовал бы не один юноша нашего бледного века. Отслужив 30 лет царю и отечеству, ветеран взял отставку, не столько по утомлению от службы, сколько по желанию молодой прекрасной своей жены. Порядочный капитал, принесенный ею в вено полковнику, дал ему средства жить если не роскошно, по крайней мере, спокойно и независимо. Счастливый женой, люби-

мый приятелями, уважаемый в обществе, Безруковский (фамилия полковника) смотрел на осень дней своих глазами мира и довольства. Если прибавим к тому, что он был не чужд современной образованности, христианин делом и мыслью, философ в жизни и поэт в мечтах, еще не покинувших седеющую его голову, то абрис портрета его будет кончен.

Через четверть часа казак воротился.

— Ну, что?

— Сказали: будет исполнено.

— Хорошо. Зажги свечи в зале и готовь чай.

— Слушаю.

Через несколько времени четверо приятелей Безруковского один за другим вошли в залу.

— Тысячу спасибо, миллион спасибо, господа, — сказал Безруковский, искренне пожимая им руки. — Милости просим сюда, к чайному столу. За отсутствием жены, мне поручено исправлять должность хозяйки. И надеюсь так хорошо исполнить свою обязанность, что верно получу от нее благодарность. Вот сигары, вот трубки! Прошу покорно!

Пока гости садятся к столу, размениваясь общими фразами ежедневного разговора, столь естественного между приятелями, нелишнее познакомиться с каждым из них, хотя в самом легком очерке.

Первый из них, тот, к кому адресована была записка с просьбою пригласить остальных, был мужчина лет 35.

Усы и военный покррой его сюртука намекали, что он был тоже питомец Марса, хотя уже оставивший знамена своего предводителя. Спокойный и какой-то рассудительный взгляд голубых его глаз и несколько флегматиче-

ские движения давали ему вид солидности, а приветливая улыбка, почти не сходившая с его губ, говорила ясно, что он находится в мире с собой и с ближними. Друзья прозвали его Академиком, сколько вследствие классической его наружности, столько же и за положительность его суждений, иногда отмеченных легкою иронией.

Другой гость был Таз-баши, питомец Руси и Татарии, с приметно угловатыми чертами лица, с узкими глазами, полными веселости и лукавства. Резкая интонация голоса и неудержимая живость движений, при небольшом росте, давали ему характер резвого мальчика-шалуна, несмотря на 30 годов и эполеты без звездочек.

В наружности третьего гостя особенно кидался в глаза прекрасный очерк лица умного и мечтательного.

Легкая смугловатость загара сказывала, что он наблюдал природу не из окон своего кабинета, а особенность его манер, не лишенных грации, говорила, что он хотя и не чужд принятой светскости, но и не раб ее. Друзья звали его Лесником, намекая на страсть его — жить вдали от города, на лоне природы. Богатые сведения его в естественных науках нисколько не имели педантической учености: напротив, он расцветчивал их всем блеском поэтического колорита, потому что природа была для него не столько книгою житейской мудрости, сколько откровением тайн создания, отголоском собственных его дум и мечтаний.

Наконец, последний гость поражал в своей особе странным сближением приятного, почти женского лица с едкою насмешкою на губах. Способность его — подмечать слабую сторону жизни, доходила до того, что в самых очевидных проявлениях красоты — в жизни и искусст-

вах — он прежде всего схватывал эти небольшие пятна, которых не чуждо ни одно творение рук человеческих. Но кто ближе узнавал его благородную душу, его строгость, однажды-навсегда принятых правил, тот переставал его бояться и в искрах насмешки открывал пламень добра и сочувствия. Немец по предкам, но русский по вере и воспитанию, он носил в себе более элементов последней нации, хотя друзья не иначе называли его как фон и Немец.

Между тем гости заняли места вокруг стола, на котором самовар пел уже свою вечную песню и стаканы дымились ароматным чаем.

— Вот в чем дело, господа, — начал Безруковский, откинувшись на спинку дивана. — Прошу выслушать меня внимательно и потом, по соображению вашему, дать ответ. Самое главное, или, лучше, первое, в моей речи то, что теперь у нас осень, с своими длинными вечерами, с грязью во дворе и на улице и с убийственной скукою в душе.

— Да. Полковник недаром провел два дня своего затворничества. Начерченная им картина осени делает честь его наблюдательности, — сказал Таз-баши как будто про себя, прихлебывая чай из стакана.

— Не знаю, — продолжал Безруковский, показывая вид, что он не слышал насмешливого замечания Таз-баши, — не знаю — разделяете ли вы в одинаковой степени со мною это последнее обстоятельство, то есть скуку. Может быть, в отношении ко мне тут участвует разлука с женой; но, во всяком случае, я уверен, что никто из нас в настоящее время не может похвалиться большим весельем. Не правда ли, господа?

— Далее, — сказал Академик, внимательнее всех слушавший хозяина.

— Далее возникает второй пункт моей речи, то есть, коли скучно, так надобно искать средств убить эту скуку.

— Всемирная истина! — протянул Таз-баши своим резким голосом.

— Поэтому, господа, не угодно ли вам будет поголосно сказать ваше мнение о таком важном предмете.

Начнем с младшего, и пусть г. Татарин первый скажет нам — какую мысль внушает ему закон предопределения.

— Гм, — начал Таз-баши. — Подать совет можно скоро, а дать ему толк — дело не минутное, говаривал покойной памяти дедушка мой, бывший, как вам известно по истории, первым министром при царе Кучуме. Но хотя нить моего разума и коротка для длины подобного вопроса, однако ж, оставляя рассудительную медленность моего дела, я, по русскому обычаю, скажу не думая, то есть не то чтобы не думая, а отложив подумать после, когда уже будет сказано. Итак, вот вам мой ответ. От скуки, которою страдает почтеннейший наш хозяин, выпишем поскорее его благоверную; а от нашей скуки — станем чаще собираться у него попить хоть чай, если не дадут чего-другого лучшего, и разбирать разные планы и предположения, какие только придут в высокоблагородную голову. Первое — экономно, а второе, — по крайней мере, очень весело.

— Друг Таз-баши, — сказал улыбнувшись Безруковский, — пословица русская говорит: «делу время и веселю час». Спрячь пока свою шутку за пазуху, чтобы при случае снова блеснуть умом-разумом, а теперь, когда речь идет о деле, попробуй-ка, как ни тяжело тебе это, сказать что-нибудь дельное.

— Но уж я в этом нисколько не виноват, если вашему высокоблагородию все речи мои кажутся бесконечною и,

пожалуй, бестолковою шуткой. Моя уж участь такова, что в самых премудрых словах моих видят одну бессмыслицу. Если же ты хочешь мнения, высказанного в рамках системы, с приличными знаками препинания и придыхания, спроси Академика. А я остаюсь при моем мнении, каково бы оно ни было.

— Итак, господин Академик, хоть и не в очередь, а потрудись отвечать на придирку этой задорной татарской особы.

— С большим удовольствием, — отвечал Академик, поглаживая усы свои левою рукою. — По моему мнению, в видимой бессмыслице татарина есть капля и русского смысла. Берусь на этот раз быть толмачом его кучумской мрачности.

— Завидная должность! — вскричал весело Безруковский.

— Но и не так-то легкая, — процедил сквозь зубы Немец, подняв глаза к потолку.

— Извольте видеть, — продолжал Академик. — Свидание наше у кого бы то ни было из нас, все-таки первое условие — провести приятно вечер: но здесь и запятая.

— Я угадал, что не обойдется без знаков препинания, — шепнул Таз-баши Безруковскому.

— Обыкновенный приятельский разговор, — продолжал Академик, — из общих мест и будничных мыслей удовлетворяет только при редком свидании. А частые встречи требуют беседы, которая имела бы цель более интересную, чем простой разговор о том о сем и о другом подобном. Следовательно...

— Еще академическое словечко, — снова шепнул Таз-баши.

— Следовательно, чтоб придать большую ценность нашей беседе, — продолжал Академик, не обращая вни-